

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ТИПИЗАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ АРХЕТИПА «МУДРЫЙ СТАРЕЦ»)

Ю.И. Щербинина

Ключевые слова: архетип мудрого старца, тип персонажа, языковые средства репрезентации персонажа, лингвистическая персонология, жанр фэнтези

Keywords: The Wise Old Man archetype, character type, linguistic means of character representation, linguistic personology, fantasy genre

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-07](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-07)

Введение
Персонаж литературного произведения — это ключевой компонент художественного текста. При всей уникальности каждого персонажа, как и каждой личности, есть некие общие воспроизведимые черты, которые позволяют говорить о наличии определенных типов персонажей. Изучение литературных типов — одно из активно развивающихся направлений исследования в лингвистической персонологии, нарратологии, психолингвистике и других областях филологического знания, позволяющее выявить устойчивые модели репрезентации человеческого опыта в литературе. В литературоведении традиционно рассматриваются типы и архетипы в отдельных произведениях и в творчестве конкретных писателей (М.А. Булгакова, В.М. Шукшина, М.А. Шолохова и др.). При всем обилии работ, посвященных образам персонажей, их языковым личностям и речевым портретам, вопрос средств воплощения типов персонажей и архетипов в литературе остается не полностью изученным.

Для лингвистов особенно значимым аспектом является вопрос о том, какими именно языковыми средствами создается определенный узнаваемый тип персонажа. В настоящей статье внимание сосредоточено на типе мудреца-наставника или, в юнгианской терминологии, архетипе «мудрого старца» [Юнг, 2019, с. 48], который ассоциируется с такими чертами, как авторитетность, мудрость, проницательность, внутренняя сила, способность направлять других и делиться особым знанием. Хотя этот архетип уже становился объектом исследований, например, в контексте творчества Ф.М. Достоевского (образ старца Зосимы в «Братьях Карамазовых») [Алекса, 2009], детской литературы

(образы бабушек и дедушек) [Гапонова, Никкарева, 2022] или компьютерных игр [Вермишев, 2011], подобных работ лингвистической направленности крайне мало, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Архетип мудреца, получивший широкое распространение в мифологических, религиозных и литературных текстах, часто воплощается в образах старших наставников, учителей и магических помощников. В настоящей статье мы рассмотрим средства воплощения этого архетипа в англоязычной литературной традиции на примере таких персонажей, как Гэндалльф (J.R.R. Tolkien. *The Lord of the Rings*), Аслан (C.S. Lewis. *The Chronicles of Narnia*) и Альбус Дамблдор (J.K. Rowling, серия романов о Гарри Поттере). Несмотря на жанровые и стилистические различия между произведениями, данные персонажи демонстрируют общие черты архетипа, реализуемые через воспроизводимые языковые средства.

Целью настоящего исследования является выявление и описание языковых средствreprезентации архетипа «мудрец-наставник» в англоязычной литературе, а именно лексических, морфологических, синтаксических, стилистических, прагматических особенностях его реализации в текстах произведений Дж. Р. Р. Толкина, К. С. Льюиса и Дж. К. Роулинг. Тем самым мы стремимся доказать, что типичность данных персонажей проявляется не только в наборе их характеристик, функций в тексте, ролях в повествовании, но и в устойчивом наборе языковых средств, используемых авторами для создания внешней речи этих персонажей.

Материалом исследования послужили художественные тексты трех британских авторов, в которых архетип мудрого старца представлен особенно ярко. Выбор именно этих персонажей обусловлен не только их популярностью и узнаваемостью в англоязычной культуре, но и тем, что каждый из них представляет архетип мудреца в своем жанровом контексте: высокого фэнтези, религиозно-аллегорического повествования для детей и «городского» фэнтези для подростков (Young Adult fiction).

Методологическая база исследования включает: метод теоретико-лингвистического анализа научных концепций для формирования понятийно-терминологического аппарата исследования; аналитико-синтетический общенаучный метод; методы лингвистического анализа художественного текста (метод лингвостилистического анализа [Задорнова, 2024] и лингвопоэтического сопоставления [Липгарт, 2007], метод контекстуального анализа). Анализ осуществлялся с опорой на внешнюю (прямую) речь персонажей из вышеназванных текстов.

Теоретические основания исследования: проблема терминологии

Изучение персонажа в художественном тексте неизбежно связано с пересечением понятий из литературоведения, лингвистики, психологии и культурологии. В рамках настоящего исследования особую важность приобретает точное разграничение и понимание терминов, обозначающих различные аспекты изображения персонажа. В научных работах встречаются следующие термины: архетип, языковая личность персонажа, речевой портрет, лингвокультурный типаж, лингвопсихологический тип, стереотип, литературный тип, тип персонажа, художественный образ, характер, герой, действующее лицо и др. Несмотря на очевидную близость, каждый из этих терминов имеет специфическое значение.

1. Архетип

Архетип (от греч. *archetypos* — первообраз) — понятие, введенное К.Г. Юнгом, обозначающее универсальные символические структуры, присутствующие в коллективном бессознательном. Юнг выделял такие архетипы, как Герой, Тень, Маска, Анима, Анимус, Мудрый Старец, Ребенок, Великая Мать, Самость, при этом подчеркивая, что это универсальные образы, существующие с незапамятных времен, особенно ярко проявляющиеся в мифах и сказках [Юнг, 2019]. В литературоведении архетипами называют повторяющиеся во многих культурах и эпохах образы и роли (Герой, Мудрец, Трикстер и др.), которые часто лежат в основе типизации персонажей. Архетип выступает как концептуальная основа, которую авторы реализуют в конкретных персонажах средствами языка и сюжета.

Если говорить конкретно об архетипе мудреца, то Юнг описывает его следующим образом: «Мудрый старец появляется в облике мага, доктора, священника, учителя, профессора, деда... любого человека, обладающего авторитетом» [Юнг, 2019, с. 259]. Ему свойственны такие черты, как проницательность, готовность понять другого, дать добрый совет, решительность и умение сподвигнуть на подвиг. Старик-мудрец появляется в тот решающий момент, когда герой теряет надежду. В сказках старец часто задает вопросы, чтобы вызвать саморефлексию и мобилизовать моральные силы. Он знает, какие дороги ведут к цели, и показывает их герою; предупреждает об опасностях на пути и снабжает средствами, которые позволят встретить их во всеоружии. В «Морфологии сказки» В.Я. Проппа данный архетип условно соответствует таким функциям действующих лиц, как даритель, волшебный помощник и отправитель (т.е. посыпает героя на испытания) [Пропп, 1969].

Таким образом, архетип — это глубинная структура нашего колективного бессознательного, а литературный тип может стать ее проявлением в литературной традиции.

2. Тип персонажа, литературный тип, типический характер / образ

Само слово «тип» применительно к литературным произведениям может употребляться в нескольких значениях. Оно может означать схематическое воплощение в персонаже одной человеческой черты, а может пониматься широко: как любое воплощение общего в индивидуальном, при условии, что оно ярко и полно выражено [Хализев, 2002, с. 46]. Как отмечает Л.В. Чернец, необходимо различать типический характер / образ (показатель художественного совершенства изображения, результат творческой типизации) и тип персонажа (выделяемый при типологии, классификации персонажей) [Чернец, 2016]. Тип персонажа — это инвариант, воплощенный в разных вариациях, коими являются конкретные персонажи. Это «образ в произведениях литературы и искусства, в индивидуальных чертах которого воплощены наиболее характерные признаки лиц определенной категории»¹. Важный показатель таланта автора — введение в литературу нового типа персонажа, в особенности изображение героя (или антигероя) своего времени (в отличие от архетипа, который вневременен). Как правило, за типом персонажа закрепляется устойчивая номинация. В русской литературе можно привести примеры таких типов, как «лишний человек», «маленький человек», «человек в футляре», «тургеневская девушка», «кисейная барышня» и пр. Литературный тип предполагает художественный образ, отражающий устойчивую совокупность черт, присущих определенной общественной группе, классу. Тип чаще привязан к определенной эпохе и обществу, тогда как архетип носит универсальный характер. Со временем тип персонажа эволюционирует в литературном процессе, либо приобретая новые смыслы, либо упрощаясь, превращаясь в стереотип, объект для пародий [Данилова, 2015, с. 4].

3. Художественный образ / образ персонажа, герой, персонаж, характер, действующее лицо, актант

Эти понятия принадлежат к литературоведческой традиции. Герой — главное действующее лицо в литературном произведении, который, как правило, наделен положительными качествами [Тимофеев, 1076, с. 64–66]. Действующее лицо и персонаж — термины, описываю-

¹ Словарь современного русского литературного языка. Т. 15. Стлб. 443. М.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

щие человека в произведении безотносительно к тому, насколько полно, ярко, убедительно он изображен писателем [Борисова, 2015, с. 104]. Термин «характер» подразумевает, что персонаж обрисован достаточно полно и за ним стоит некая норма общественного поведения. Художественный образ — это целостное эстетическое представление о персонаже, возникающее у читателя на основе авторского текста. Образ персонажа складывается на основе всех элементов, составляющих «характер, внешность, поступки, речевую характеристику, которые показаны с помощью определенного набора художественно-композиционных и языковых средств» [Борисова, 2015, с. 105]. Герой, персонаж, действующее лицо и характер могут использоваться как синонимы, но с различной степенью обобщенности: герой и персонаж подчеркивают участие в повествовании, характер — внутреннюю психологическую и/или социальную структуру, а действующее лицо — скорее функциональную роль в фабуле. Актант — термин структуралистской нарратологии (А. Греймас), обозначающий функцию персонажа в нарративной структуре (субъект, объект, помощник и т.п.). Эти термины важны для анализа структуры текста, но не акцентируют внимание на языковых средствах изображения, хотя образ персонажа предполагает, в том числе, анализ прямой (монологи, диалоги) и внутренней, несобственно-прямой речи персонажа. Интересно, что, как отмечает Е.Б. Борисова, в исследованиях по лингвокультурологии, психолингвистике и лингвоперсонологии литературный персонаж трактуется как один из способов конкретизации лингвокультурного типажа [Борисова, 2015].

4. Лингвокультурный типаж и стереотип

Лингвокультурный типаж — представитель культуры, обладающий специфическими языковыми и поведенческими признаками. Это «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, Дмитриева, 2005, с. 18]. Этот термин полезен при анализе персонажей как носителей определенных культурных установок. При этом важно понимать, что лингвокультурный типаж представляет собой обобщение как вымышленных персонажей, так и реально существующих лиц [Лутовинова, 2009, с. 227]. Стереотип — упрощенное и стандартизированное представление о представителе определенной группы, часто используемое в массовой культуре, обыгрываемое в карикатурах и пародиях. Будучи обобщением, лингвокультурный типаж непременно включает в себя стереотипные представления о типизируемой личности, что предполагает схематичность, упрощенное изображение какой-либо личности, частотно встречающейся в определенной соци-

альной среде. Лингвистическими типажами часто бывают представители какой-то профессии или рода деятельности, а также люди, относящиеся к определенной поведенческой парадигме [Чекурай, Кучмистый, Шустов, Прохоров, 2023]. Также важна идентификация в пределах конкретного лингвокультурного сообщества, например: «американский бизнесмен», «английский чудак», «английский дворецкий», «советский шпион», «новый русский» и пр. Отметим, что архетип, в отличие от лингвокультурного типажа, не имеет привязки к конкретной лингвокультуре. Поэтому, например, неоправданной можно считать обозначение трикстера как лингвокультурного типажа, поскольку этот персонаж является скорее архетипическим, одним из основополагающих персонажей человеческой культуры.

На данный момент описано более 100 лингвокультурных типажей [Дубровская, 2016]. Они подразделяются на реальные (современные и исторические) и фикционные [Карасик, 2009], имеющие этнокультурную и социокультурную значимость [Карасик, Ярмахова, 2006], социальные, характерные и идеологические, общезначимые, социумные и этнические [Резник, 2013]. Это очень перспективное направление лингвистической персонологии, которое, безусловно, продолжит развиваться.

5. Языковая личность персонажа, речевая характеристика и речевой портрет персонажа

Хотя термин «языковая личность» был применен еще В.В. Виноградовым в работе «О художественной прозе» в 1930 году, где исследователь разграничили личность автора и личность персонажа [Виноградов, 1930], активно разрабатывать теорию языковой личности начал Ю.Н. Карапулов и его последователи в 1980-х. Языковая личность понимается как субъект-носитель языка, осмысливающий мир и отражающий это в своей речи и текстах [Никандрова, 2010]. В.А. Маслова определяет языковую личность как «многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей. При этом речевая личность — это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности» [Маслова, 2001, с. 119]. С точки зрения структуры языковой личности Ю.Н. Карапулов выделяет три уровня: нулевой (вербально-семантический), лингвокогнитивный / тезаурусный (концепты, фреймы) и мотивационно-прагматический, а В.А. Маслова — ценностный, культурологический и личностный.

Языковая личность персонажа — это совокупность его речевых характеристик, отражающих менталитет, социальный статус, образование, профессию, эмоциональное состояние и др. Это понятие позволя-

ет анализировать языковое поведение героя как проявление его внутреннего мира и социальной обусловленности. Речевой портрет — это вербальная текстовая реализация языковой личности персонажа [Васильева, 2021]. Также используется термин «дискурс персонажа», определяемый как «совокупность произведенных во внешней и внутренней речи высказываний одного персонажа прозаического художественного произведения» [Караулов, 1987, с. 238]. Необходимо подчеркнуть, что Ю.Н. Караулов отмечает важность рассмотрения языковой личности с лингвопсихологической, философско-мировоззренческой, социальной, этнонациональной, историко-культурной точек зрения. Эти мысли отсылают нас к работам М.М. Бахтина, который отмечал, что «говорящий человек в романе — существенно социальный человек» и «всегда в той или иной степени идеолог» [Бахтин, 1975, с. 145–146].

Речевой портрет представляет собой языковую модель, описывающую внешние и внутренние характеристики героя через его речь. Некоторые исследователи считают необходимым также разграничивать речевую характеристику и речевой портрет, отмечая, что речевой портрет «предполагает совокупность речевых особенностей героя, дающих яркое представление о персонаже, его речевом поведении и миропонимании», тогда как речевая характеристика «может включать черты не только характерологически значимые, но и случайные, эпизодические» [Колокольцева, 2015, с. 88].

6. Лингвопсихологический тип

Данный термин появился недавно, широкого распространения пока не получил и относится скорее к сфере психолингвистики. Термин был предложен И.В. Чекулаем и О.Н. Прохоровой в их статье 2011 года и означает комбинацию индивидуальных психологических характеристик личности и ее лингвистического потенциала [Чекулаев, Прохорова, 2011]. Введение этого термина не представляется в полной мере оправданным, учитывая то, что исследователи рассматривают трикстер как лингвопсихологический тип, хотя в других работах трикстер уже исследовался как архетип либо как лингвокультурный типаж. А.С. Пойменова, исследующая лингвопсихологический тип «плут» на материале произведений П.Г. Вудхауса, отмечает, что в отличие от лингвокультурных типажей, лингвопсихологический типаж предполагает более пристальное рассмотрение именно психологических аспектов личности персонажа [Пойменова, 2025].

Таким образом, можно говорить о наличии терминов, применимых к анализу персонажей в рамках литературоведения, лингвокультурологии, лингвопсихологии. Если говорить о лингвистических исследо-

ваниях, в работах по анализу языковой личности и речевого портрета языковая составляющая выходит на первый план, но с упором на индивидуальные характеристики персонажа, тогда как нас интересует образ архетипический. В данной статье ставится задача выявить воспроизводимые языковые средства, используемые для презентации архетипа «мудрый старец» в англоязычных художественных произведениях разных периодов, относящихся к жанру фэнтези. Языковые средства типизации (т.е. языковой реализации архетипа в художественном тексте) охватывают лексико-семантические, грамматико-синтаксические, стилистические и прагматические характеристики, позволяющие автору создать узнаваемый образ мудреца-наставника, понятный читателю на основании мифологической, культурной и литературной традиции, не связанный с определенным историческим периодом или социальной группой.

Результаты исследования

В данном разделе мы рассмотрим конкретные примеры языковых средств реализации архетипа мудреца в произведениях Дж.Р.Р. Толкина, К.С. Льюиса и Дж.К. Роулинг. При всех отличиях таких произведений, как «Властелин колец», «Хроники Нарнии» и «Гарри Поттер», их объединяет принадлежность к жанру фэнтези, хотя и с оговорками: «Властелин колец» — эталонный пример «высокого» (эпического или героико-эпического) фэнтези; в «Хрониках Нарнии», при том что целевой аудиторией являются дети, силен религиозный компонент, аллегорическое начало; «Гарри Поттер» — это «городское» фэнтези, а также роман взросления, юношеский роман (Young Adult fiction).

Жанр фэнтези — один из самых популярных жанров в современной литературе. Корнями он уходит в архаические мифы, народную волшебную сказку, рыцарский роман, героический эпос, а также оккультно-мистическую литературу [Галкина, 2021]. Такая основа делает объяснением присутствие в текстах этого жанра архетипов, в частности, архетипа мудрого старца. Фэнтези возникло в 1930-х годах как один из подвидов фантастической литературы, включающей такие жанры, как научная фантастика, хоррор и мистика. Т.Е. Савицкая определяет фэнтези как «неомифологические повествования о волшебных приключениях разного рода условных героев» [Савицкая, 2018, с. 71].

К основным характеристикам жанра относится высокая степень фантастичности и иррациональности; тщательное создание «иного» (вторичного, возможного) мира; существование вне времени (условное Средневековье), без привязки к конкретной исторической эпохе (хоть

и с оговорками, если речь идет о «городском» фэнтези); реинтерпретация мифов и архетипов. Притягательность фэнтези в том, что оно дарит человеку веру в чудо и удовлетворяет потребность в эскапизме, переносится читателя в тот мир, где есть четкое разграничение добра и зла, где герои преодолевают препятствия, совершают подвиги и проходят инициацию, свой личный «квест», в котором им помогает мудрец-наставник.

Проанализируем языковой материал, репрезентирующий архетипический образ мудреца в данных произведениях, с целью выявить инвариантные и вариативные средства, используемые авторами для создания узнаваемого типа персонажа.

1. Языковые средства репрезентации мудреца в трилогии

«Властелин колец» Дж.Р.Р. Толкина

Начнем с Гэндалфа из серии «Властелин колец» Дж.Р.Р. Толкина (трилогии, написанной в 1937–1949, вышедшей в 1954 г.). Это классический мудрец, направляющий героев (Братство Кольца) в их путешествии. Проведем лингвостилистический анализ и разберем языковые средства и ту роль, которую они играют в создании образа. Цитаты приводятся из первой книги трилогии «Властелин колец» по изданию «The Fellowship of the Ring» HarperCollins E-books, 2009.

Абстрактная лексика (вербализация таких ключевых концептов, как *truth, mercy, power, knowledge, good, evil*): “I wanted the **truth**. It was important.”; “but the **truth** was desperately important”; “Clearly the ring had an unwholesome **power**...”; “His **knowledge** is deep, but his **pride** has grown with it”; “That is a chapter of ancient history which it might be good to recall; for there was **sorrow** then too, and gathering **dark**, but great **valour**, and great deeds that were not wholly **vain**.”; “It was **Pity** that stayed his hand. **Pity**, and **Mercy**: not to strike without need.”; “There are many **powers** in the world, for **good** or for **evil**”.

Возвышенная, архаичная лексика: “...that would seem to explain your sudden **vanishment**”; “...they were **perilous**”; “he **takes ill** any **meddling**”; “It would be a **grievous blow** to the world...”; “He returned to his ancient **fastness**...” (in the meaning of ‘secure place’); “All that has been **wrought** with them will be **laid bare**.”; “...for they have never been lost, and they **endure no evil**”; “Few have ever come **hither** through greater **peril** or on an errand more urgent.”; “From the first **my heart misgave me**”; “He was **loth** to speak.”; “When I heard of the Black Shadow **a chill smote my heart**”; “I was **in an evil plight**”; “He set me down in the land of Rohan ere dawn; and now I have **lengthened my tale over long**”; “I fear he had ill tidings to record in a **fair hand**”.

Лексико-грамматические средства выражения неопределенности / vague language (в анализируемом тексте в основном представлены неопределенными местоимениями): “*I may be able to tell you something when I come back.*”; “*I might perhaps have consulted Saruman the White, but something always held me back.*”; “*I knew at last that something dark and deadly was at work.*”; “*Behind that there was something else at work, beyond any design of the Ring-maker.*”; “*Some other fear was on him greater than mine.*”; “*No, something else drew him away.*”; “*When he was found he had already been there long, and was on his way back. On some errand of mischief.*”; “*Something has crept, or has been driven out of dark waters under the mountains.*”; “*I have heard something that has made me anxious and needs looking into.*”

Модальные глаголы *may*, *might*, выражающие осторожное предположение относительно будущего, снятие категоричности высказывания: “*It may, and it may not [be useful].*”; “*...odd things may happen to people that have such treasures.*”; “*It may have other powers than just making you vanish when you wish to.*”; “*I may be able to tell you something when I come back.*”; “*I may be away for a good while.*”; “*...he possessed the ring for many years, and used it, so it might take a long while for the influence to wear off ... Otherwise, he might live on for years, quite happily.*”; “*But he may play a part yet that neither he nor Sauron have foreseen.*”

Модальные глаголы *долженствования* (используются для побуждения к действию, подчеркивают срочность): “*But you must not delay too long.*”; “*I think that will do — but it must not be any later.*”

Глаголы в повелительном наклонении, зачастую в восклицательных предложениях (передают роль лидера, дающего указания): “*Let it go!*”; “*Do as you promised: give it up!*”; “*Go away and leave it behind.*”; “*Take it! Hold it up! Look closely!*”; “*Don't let out any hint of where you are going!*”; “*Off you go, all of you, down the stairs!*”; “*Do as I say!*”

Страдательный залог (передает атмосферу таинственности, понимание высшего замысла): “*It [the ring] has been called that before.*”; “*All that has been wrought with them will be laid bare.*”; “*It [the ring] was taken from him.*”; “*Bilbo was meant to find the Ring, and not by its maker. In which case you also were meant to have it.*”; “*When he was found he had already been there long, and was on his way back.*”; “*These Rings have a way of being found.*”; “*Such questions cannot be answered.*”; “*But you have been chosen.*”; “*I was delayed.*”; “*I was held captive.*”; “*There are many powers in the world, for good or for evil. Some are greater than I am. Against some I have not yet been measured.*”; “*There is much else that may be told.*”; “*Some of the scouts have been sent out already.*”; “*I fear that the Redhorn Gate may be*

watched"; "Something has crept, or **has been driven** out of dark waters under the mountains".

Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, с большим количеством **однородных членов**, что придает речи весомость, неспешность (самый частотный союз в сложноподчиненных предложениях — "**for**"; **полисиндeton**, т.е. многосочленное как частотная фигура речи).

"I guess they were of hobbit-kind; akin to the fathers of the fathers of the Stoors, **for** they loved the River, and often swam in it, or made little boats of reeds. There was among them a family of high repute, **for** it was large and wealthier than most, and it was ruled by a grandmother of the folk, stern and wise in old lore, such as they had".

"He was very pleased with his discovery **and** he concealed it; **and** he used it to find out secrets, **and** he put his knowledge to crooked and malicious uses".

"So they **called him** Gollum, **and cursed him, and told him** to go far away; **and** his grandmother, desiring peace, **expelled him** from the family **and turned him** out of her hole".

"I let him go; **for** I had much else to think of at that time, and I still trusted the lore of Saruman".

"I stood alone on an island in the clouds; **and** I had no chance of escape, **and** my days were bitter", "And the Eagles of the Mountains went far and wide, **and** they saw many things: the gathering of wolves **and** the mustering of Orcs; **and** the Nine Riders going hither and thither in the lands; **and** they heard news of the escape of Gollum".

Инверсия (высокий стиль, архаичность): "Soft as butter they can be, and yet sometimes as tough as old tree-roots"; "Seven the Dwarf-kings possessed, but three he has recovered, and the others the dragons have consumed"; "The Nine the Nazgûl keep. ... The Three we know of"; "Less welcome did the Lord Denethor show me then than of old"; "Light is his footfall!".

Ритмичность высказываний за счет двучленных союзных конструкций (синонимические коллокации как частный случай синонимической конденсации), часто сопровождающихся **аллитерацией**; речевые отрезки с однородными членами либо тяготеют к тому, чтобы относиться к одной и той же тематической группе, либо (чаще) имеют общие коннотации.

Например: "...his hand never **touched** them or **sullied** them"; "These horses are **born and bred** to the service of the Dark Lord in Mordor. Not all his **servants and chattels** are wraiths! There are **orcs and trolls**, there are **wargs and werewolves**"; "The Elves may **fear** the Dark Lord, and they may **fly** before him, but never again will they **listen to him or serve him**"; "Soon there will

be feasting and merrymaking to celebrate the victory...”; “This is the Hall of Fire,’ said the wizard. ‘Here you will hear many songs and tales — if you can keep awake. But except on high days it usually stands empty and quiet, and people come here who wish for peace and thought’; “There is much to hear and decide today”; “I looked then and saw that his robes, which had seemed white, were not so, but were woven of all colors, and if he moved they shimmered and changed hue so that the eye was bewildered”; “...the beauty of mithril did not tarnish or grow dim”.

Перифраза (создает эффект неспешности речи): “*If I were to tell you all that tale, we should still be sitting here when Spring had passed into Winter*”; “*The Ring passed out of knowledge and legend*” (i.e. disappeared); “*He was interested in roots and beginnings*” (i.e. inquisitive); “*Outside the late Moon is riding westward and the middle-night has passed*”.

Метафоры, сравнения (эффект поэтичности, возвышенности, экспрессивности высказываний): “*So my doubt slept — but uneasily*”; “*The shadow fell on me again*”; “*Soft as butter they can be, and yet sometimes as tough as old tree-roots*”; “*By day his coat glistens like silver; and by night it is like a shade, and he passes unseen*”; “*I galloped to Weathertop like a gale*”; “*Well, let folly be our cloak, a veil before the eyes of the Enemy!*”.

Ирония: “*If Elves could fly over mountains, they might fetch the Sun to save us*”; “*Knock on the doors with your head, Peregrin Took*”.

Афористичность высказываний:

1) “*I wish it need not have happened in my time*,” said Frodo.

‘*So do I*,’ said Gandalf, ‘*and so do all who live to see such times. But that is not for them to decide. All we have to decide is what to do with the time that is given us*’.

2) “*Many that live deserve death. And some that die deserve life. Can you give it to them? Then do not be too eager to deal out death in judgement. For even the very wise cannot see all ends*”.

3) “*And he that breaks a thing to find out what it is has left the path of wisdom*”.

4) “*One must tread the path that need chooses*”.

Иносказательность: “*Look out for me, especially at unlikely times!*”; “*All that has been wrought with them will be laid bare*”; “*There was more than one power at work*”; “*We are sitting in a fortress. Outside it is getting dark*”.

Таким образом, репрезентация архетипа мудрого старца в образе Гэндалльфа опирается на совокупность четко вычленяемых языковых средств. В лексическом аспекте важно отметить использование абстрактной и возвышенной лексики, архаизмов и поэтизированной образности (метафоры, сравнения), отражающих философскую глубину

и вековую мудрость героя. Гэндалльф говорит о категориях добра и зла, правды, власти и милосердия, что представляет его как носителя вечных нравственных ориентиров. Грамматически его речь отличает преобладание модальных конструкций, передающих как осторожность суждений (*may, might*), так и категоричность нравственного или стратегического наставления (модальность долженствования, повелительное наклонение). Широко используется страдательный залог, создающий атмосферу таинственности. Развернутые синтаксические структуры, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, многосоставие, инверсия, синонимические ряды формируют неспешный ритм речи, усиливая ее воздействие. Наконец, важными элементами являются аллегоричность, афористичность, придающая речи обобщающую силу и философскую завершенность, а также ирония, позволяющая очеловечить образ, добавить ему теплоты и внутренней динамики.

2. Языковые средства репрезентации мудреца в «Хрониках Нарнии» К.С. Льюиса

Как уже отмечалось, «Хроники Нарнии» (1950–1956) отличаются от других книг жанра фэнтези в нашем списке ориентацией на детскую аудиторию и христианским аллегорическим содержанием. Лев Аслан — явная аллегория Христа, так как он создает мир словом, жертвуя своей жизнью ради другого, воскресает после смерти и заботится обо всех, как добрый пастырь. Он наставник-спаситель, преподающий героям уроки через испытания. При этом для Аслана характерна простота и доступность языка, что логично, учитывая предполагаемых читателей. Проанализируем языковой материал и сравним его с теми средствами, которые были использованы Дж.Р.Р. Толкином, оговорившись, что у Аслана в «Хрониках Нарнии» не так много реплик, как у Гэндалльфа во «Властелине колец», и они обычно короткие, а потому корпус не такой объемный, как в предыдущем разделе. Цитаты приводятся по изданию «The Chronicles of Narnia» (HarperCollins E-books, 2001).

Абстрактная лексика: *“You have great hearts. Not for the sake of your dignity, Reepicheep, but for the love that is between you and your people, and still more for the kindness your people showed me long ago...”*; *“You come of the Lord Adam and the Lady Eve,” said Aslan. “And that is both honour enough to erect the head of the poorest beggar, and shame enough to bow the shoulders of the greatest emperor on earth”*.

Возвышенная, архаичная лексика: *“Ladies, take these Daughters of Eve to the pavilion and minister to them”*; *“She has renounced the claim on your brother’s blood”*; *“You three, you Sons of Adam and Son of Earth, hasten into*

the Mound and deal with what you will find there”; “And so they fell, or rose, or blundered, or dropped right through, and found themselves in this world, in the Land of Telmar which was then unpeopled”; “There will be no more commerce between the worlds by that door” (i.e. social intercourse).

Модальные глаголы долженствования и уверенности (авторитетность высказываний Аслана, уверенность в правильности и неизбежности совершаемых действий): “All **shall** be done,” said Aslan. “But it may be harder than you think”; “That, O Man,” said Aslan, “is Cair Paravel of the four thrones, in one of which you **must** sit as King. I show it to you because you are the firstborn and you **will** be High King over all the rest”; “All names **will** soon be restored to their proper owners”; “We **must** move from this place at once, it **will** be wanted for other purposes”; “Oh, children, children. Here you **must** stop. And whatever happens, do not let yourselves be seen. Farewell”; “Those who can’t keep up **must** ride on the backs of those who can”; “Now all Narnia **will** be renewed”; “Your future in that world **shall** be good”; “You **shall** meet me, dear one”.

Глаголы в повелительном наклонении (Аслан дает указания остальным, его беспрекословно слушаются): “Hand it to me and kneel, Son of Adam”; “Rise up, Sir Peter Wolf’s-Bane. And, whatever happens, never forget to wipe your sword”; “Fall back, all of you”; “Let him approach”.

Страдательный залог: “All **shall** be done,” said Aslan. “But it may be harder than you think”; “All names **will** soon be restored to their proper owners”; “To know what would have happened, child?” said Aslan. “No. Nobody is ever told that”; “Now all Narnia **will** be renewed”.

Простой синтаксис (доступность, понятная детям): “Let the Prince win his spurs”; “His offense was not against you”; “It is very true. I do not deny it”; “You can all come back,” he said. “I have settled the matter. She has renounced the claim on your brother’s blood”.

Двучленные союзные конструкции, цепочки однородных членов: “But if she could have looked a little further back, into the stillness and the darkness before Time dawned, she would have read there a different incantation”; “There were many **chinks and chasms** between worlds in old times, but they have grown rarer”; “And so they fell, or rose, or blundered, or dropped right through, and found themselves in this world, in the Land of Telmar which was then unpeopled”.

Перифраза в обращениях: Son of Earth (=dwarf), Son of Adam, Daughter of Eve.

Афористичность высказываний: “Things never happen the same way twice”; “If you had felt yourself sufficient, it would have been a proof that you were not”; “For all find what they truly seek”.

Иносказательность:

- 1) “But you will be there yourself, Aslan”.
- “I can give you no promise of that,” answered the Lion.
- 2) She would have known that when a willing victim who had committed no treachery was killed in a traitor’s stead, Death itself would start working backward.
- 3) “Oh, Aslan! I knew it was true. I’ve been waiting for this all my life. Have you come to take me away?”.
- “Yes, dearest,” said Aslan. “But **not the long journey yet**”
- 4) I will not tell you how long or short **the way** will be; only that it **lies across a river**. But do not fear that, for **I am the great Bridge Builder**.
- 5) The term is over: the holidays have begun. The dream is ended: this is **the morning**” (i.e. mortal life is over, eternal life has begun).

Анализ языковых средств, используемых для репрезентации образа Аслана, демонстрирует специфику воплощения архетипа мудреца-наставника в контексте детской литературы с христианским подтекстом. Аслан предстает как мудрец-спаситель, наделенный величием, всеведением и нравственным авторитетом, но при этом выражаящийся в форме, доступной юному читателю. Как и в случае Гэндалльфа, образ создается через абстрактную и возвышенную лексику. Частое использование глаголов долженствования и повелительного наклонения подчеркивает его авторитет, а страдательный залог — понимание таинственного высшего замысла. Основные языковые отличия проявляются на уровне синтаксиса, а также в использовании Гэндалльфом лексико-грамматических средств для осторожного выражения суждений (vague language, модальные глаголы may, might), тогда как Аслан излучает веру и уверенность, что понятно, если мы вспомним о перекличках с образом Христа. Таким образом, языковые средства передачи архетипа мудреца-наставника отражают особенности жанра и целевой аудитории произведения, сохраняя устойчивый комплекс признаков: возвышенность, афористичность, иносказательность, авторитетность.

3. Языковые средства репрезентации мудреца в «Гарри Поттере» Дж.К. Роулинг

Из трех анализируемых нами циклов романы о Гарри Поттере написаны позже всего (1997–2007), что, безусловно, накладывает отпечаток на стиль и выбор языковых средств, позволяя нам проследить эволюцию репрезентации архетипа мудреца в диахронии. Профессор Альbus Дамблдор по своим сущностным характеристикам — классический на-

ставник, помогающий герою вырасти, найти свой путь и победить зло. При этом в его речевом портрете сочетаются уже знакомая нам возвышенность и торжественность с неформальностью, самоиронией и большей требовательностью к себе, чем к другим, а используемые им лексические и синтаксические средства зависят от коммуникативной ситуации и адресата. Рассмотрим конкретные примеры языковой реализации этого архетипического образа. Цитаты приводятся по изданию «Harry Potter: The Complete Collection» (Pottermore, 2015).

Абстрактная лексика: “*This mirror will give us neither knowledge nor truth*”; “*If there is one thing Voldemort cannot understand, it is love*. He didn’t realize that **love** as powerful as your mother’s for you leaves its own mark”; “*Quirrell, full of hatred, greed, and ambition, sharing his soul with Voldemort, could not touch you for this reason*”; “*You happen to have many qualities Salazar Slytherin prized in his handpicked students ... resourcefulness — determination — a certain disregard for rules*”; “*You helped uncover the truth. You saved an innocent man from a terrible fate*”; “*There will be three tasks, spaced throughout the school year, and they will test the champions in many different ways... their magical prowess — their daring*”.

Переключение регистров (формального и неформального). Для Дамблдора характерен шутливо-формальный стиль, без заносчивости и высокомерия; но порой он переходит и на серьезный формальный стиль, когда надо поставить собеседника на место.

Вот некоторые примеры **формального регистра**: “*Mr. Ronald Weasley and Miss Granger will be most relieved you have come round, they have been extremely worried*”; “*But I must impress upon both of you the seriousness of what you have done*”; “*He sank so deeply into the Dark Arts, consortied with the very worst of our kind ... that when he resurfaced as Lord Voldemort, he was barely recognizable*”; “*I think all this merits a good feast*”; “*Might I ask you to go and alert the kitchens?*”; “*I look to the prefects to make sure that no student runs afoul of the dementors*”.

Неформальный стиль общения способствует сокращению дистанции между Дамблдором и собеседником: “*Older and wiser wizards than she have been hoodwinked by Lord Voldemort*”; “*Which goes to show that the best of us must sometimes eat our words*”; “*Dig in! / Tuck in!*” (said to students to encourage them to start their meal); “*Well, shall we crack on, then?*”.

Лексико-грамматические средства выражения неопределенности / vague language: “*It certainly seems so*”; “*We can only guess. We may never know*”; “*It seems to me, however, that we have no choice but to accept it*”.

Модальные глаголы долженствования, уверенности и осторожного предположения (причем Дамблдор в основном говорит не “you

must”, но “I must”; часто смягчает категоричность высказываний с помощью “I’m afraid”): “While you **may** only have delayed his return to power, it **will** merely take someone else who is prepared to fight what seems a losing battle next time — and if he is delayed again, and again, why, he **may** never return to power”; “You **will** know, one day when you are ready, you **will** know”; “I **must** also warn you that if you do anything like this again, I will have no choice but to expel you”; “I **must** ask you, Harry, whether there is anything you’d like to tell me”; ... imagine,” Dumbledore went on, “what **might have happened** then. Who knows what the consequences **might have been** otherwise”; “I **must** make it plain that nobody is to leave school without permission”; “I’m afraid that, for your own safety, you **will have to** spend the night here”; “I’m afraid no dementor **will** cross the threshold of this castle while I am headmaster”; “You **must not** be seen.”; “I **must** once more ask for your attention, while I give out a few notices”.

Страдательный залог: “You will also find that help **will always be given** at Hogwarts to those who ask for it”.

Синтаксис: простые, сложносочиненные или сложноподчиненные предложения в зависимости от коммуникативной ситуации.

Инверсия: “No sooner had I reached London than it became clear to me that the place I should be was the one I had just left”; “Eager though I know all of you will be to bring the Triwizard Cup to Hogwarts,” he said, “the Heads of the participating schools, along with the Ministry of Magic, have agreed to impose an age restriction on contenders this year”.

Ирония и самоирония:

1) “You flatter me,” said Dumbledore calmly. “Voldemort had powers I will never have”.

“Only because you’re too — well — noble to use them”.

“It’s lucky it’s dark. I haven’t blushed so much since Madam Pomfrey told me she liked my new earmuffs”.

2) Scars can come in handy. I have one myself above my left knee that is a perfect map of the London Underground.

3) “One can never have enough socks,” said Dumbledore. “Another Christmas has come and gone and I didn’t get a single pair. People will insist on giving me books”.

4) “What happened down in the dungeons between you and Professor Quirrell is a complete secret, so, naturally, the whole school knows”.

5) “My brain surprises even me sometimes”.

6) “Hopefully your heads are all a little fuller than they were you have the whole summer ahead to get them nice and empty before next year starts”.

7) “I will be delighted to hear the reasoning behind the rudeness”.

Афористичность высказываний:

- 1) *“After all, to the well-organized mind, death is but the next great adventure”.*
- 2) *“The trouble is, humans do have a knack of choosing precisely those things that are worst for them”.*
- 3) *“Always use the proper name for things. Fear of a name increases fear of the thing itself”.*
- 4) *“The truth.” Dumbledore sighed. “It is a beautiful and terrible thing, and should therefore be treated with great caution”.*
- 5) *“It is our choices, Harry, that show what we truly are, far more than our abilities”.*

Анализ речевой репрезентации Альбуса Дамблдора позволяет выявить трансформацию архетипа мудреца-наставника в англоязычной литературе конца XX — начала XXI века. В образе Дамблдора сочетаются традиционные черты наставника (мудрость, моральный авторитет, прозорливость) с элементами самоиронии и игры (переключение регистров). Его речь гибка (недаром его сюжетная роль — учитель в школе волшебства): она варьируется от высокого формального стиля до неформальной, бытовой речи, что делает образ более живым, человечным и современным.

Как и в предыдущих случаях, обращают на себя внимание абстрактная лексика, афористичные изречения, инверсия, использование модальных глаголов. При этом Дамблдор, в отличие от Гэндалльфа и Аслана, реже приказывает напрямую, предпочитая говорить от первого лица (I must), смягчая категоричность (I'm afraid) и демонстрируя личную ответственность.

Заключение

На основании проанализированного языкового материала можно выделить следующие черты сходства персонажей, реализующих архетип мудрого старца:

1. Все три персонажа используют абстрактную лексику, говоря о таких ценностях, как добро, знания, милосердие, истина и пр.
2. Все трое говорят высоким стилем, что подчеркивает торжественность их речей и важность высказываемых ими мыслей.
3. В их речи присутствуют глаголы в повелительном наклонении и/или модальные глаголы для наставлений и указаний, как побуждение к действию (позиция лидера), как проявление способности предвидеть будущее.

4. Речь всех троих персонажей характеризуется афористичностью, отражающей их мудрость.

5. Их реплики полны таинственности, что выражается через неопределенные местоимения, через формы страдательного залога либо через иносказательность.

7. Их речь отличается экспрессивностью, образностью и силой воздействия (метафоры, сравнения, инверсия, аллитерация, ритмическая организация за счет двучленных союзных конструкций).

При этом наблюдаются следующие индивидуальные черты персонажей, реализующих архетип мудреца в текстах разных (под)жанров и эпох:

1) **Гэндальф** говорит высоким архаическим и поэтическим языком. Его речь сложна синтаксически, насыщена метафорами, инверсией, аллитерацией, что придает ей эпичность, неспешность, весомость. При этом он не чужд сомнениям (may, might) и иронии;

2) **Аслан** выражается просто и кратко, что делает его понятным для детей. Его речь демонстрирует веру в правильность предназначенногго (must, shall, will);

3) **Дамблдор** занимает промежуточное положение: он сочетает высокую моральную позицию с человечностью и самоиронией. Его язык более гибок, адаптивен, он может снизить стиль, чтобы быть ближе к своим студентам.

Таким образом, можно говорить об инварианте и вариантах в языковых средствах реализации и об эволюции архетипа мудреца: от эпического Гэндальфа к аллегорическому спасителю и мудрому пастырю (Аслан) и далее — к самоироничному, неавторитарному наставнику (Дамблдор), отражающему ценности, близкие нашему времени.

Библиографический список

Алекса Э. Архетипическое значение старца в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского // Мировая литература в контексте культуры. 2009. № 4. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskoe-znachenie-startsa-v-bratyah-karamazovyh-f-m-dostoevskogo>

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

Борисова Е.Б. Образ литературного персонажа как центральный элемент структуры и содержания художественного текста // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2015. Т. 10, № 3. С. 103–108.

Васильева А.А. Языковая личность и речевой портрет художественного персонажа (на материале романа А.В. Иванова «Географ глобус пропил») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

Вермишев Г.А. Архетипическое мифологическое содержание в структуре компьютерных игр // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 11. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskoe-mifologicheskoe-soderzhanie-v-strukture-kompyuternykh-igr>

Виноградов В.В. О художественной прозе. М.; Л.: Гос. изд-во (Госиздат), 1930. 186 с.

Галкина М.А. О жанровом своеобразии фэнтези // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2021. № 1. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zhanrovom-svoeobrazii-fentezi>

Гапонова Ж.К., Никкарева Е.В. Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе // Филологический класс. 2022. № 4. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/repräsentatsiya-obrazov-babushki-i-dedushki-v-sovremennoy-detskoy-literature>

Данилова Е.А. Типологическое изучение персонажей (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

Дубровская Е.М. Типология лингвокультурных типажей: опыт систематизации // МНКО. 2016. № 2 (57). Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-lingvokulturnyh-tipazhey-opyt-sistematisatsii>

Задорнова В.Я. Стилистика английского языка. М.: МАКС Пресс, 2024. 108 с.

Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика : сб. науч. тр. / ред. В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2005. С. 12–25.

Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006. 238 с.

Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 405 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 261 с.

Колокольцева Т. Н. Речевой портрет персонажа: синтаксический аспект // Известия ВГПУ. 2015. № 2 (97). Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-portret-personazha-sintaksicheskiy-aspekt>

Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики. М.: URSS, 2007. 168 с.

Лутовинова О.В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности // Ученые

записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-ryadu-smezhnyh-ponyatiy-ispolzuemyh-dlya-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti>

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 204 с.

Никандрова И.А. Языковая личность персонажа: лингвистический аспект исследования // Вестник ВятГУ. 2010. № 2–2. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-personazha-lingvisticheskiy-aspekt-issledovaniya>

Пойменова А.С. Реализация лингвопсихологического типа «плут» в цикле произведений П.Г. Вудхауса // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. 2025. № 1. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-lingvopsihologicheskogo-tipa-plut-v-tsikle-proizvedeniy-p-g-vudhausa>

Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.

Резник В.А. Лингвокультурный типаж в системе смежных понятий // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15, № 2 (2). С. 481–484.

Савицкая Т.Е. Культура электронной эры. Екатеринбург: Издательские решения, 2018. 186 с.

Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М.: Просвещение, 1976. 464 с.

Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.

Чекурай И.В., Кучмистый В.А., Шустов Д.В., Прохоров Н.А. Лингвокультурный типаж «трикстер» как часть исследования феномена языковой личности // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. 2023. № 3. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-trikster-kak-chast-issledovaniya-fenomena-yazykovoy-lichnosti>

Чекурай И.В., Прохорова О.Н. «Трикстер» как лингвопсихологический тип и его репрезентация языковыми средствами в художественном пространстве // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. 2011. № 6 (101). Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/trikster-kak-lingvopsihologicheskiy-tip-i-ego-reprezentatsiya-yazykovymi-sredstvami-v-hudozhestvennom-prostranstve>

Чернец Л.В. О типологическом изучении литературных персонажей // Stephanos. 2016. № 1 (15). Электронный ресурс https://stephanos.ru/izd/2016/2016_15_10.pdf.

Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: ACT, 2019. 496 с.

Источники

- Lewis C.S. *The Chronicles of Narnia*. HarperCollins E-books, 2001.
- Rowling J.K. *Harry Potter: The Complete Collection*. Pottermore, 2015.
- Tolkien J.R.R. *The Fellowship of the Ring*. HarperCollins E-books, 2009.

References

Aleksa E. The archetypical significance of the wise old man in “Brothers Karamazov” by F.M. Dostoyevsky. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* = World Literature in the Context of Culture, 2009, no. 4. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskoe-znachenie-startsa-v-bratyah-karamazovyh-f-m-dostoevskogo> (In Russian).

Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 504 pp. (In Russian).

Borisova E.B. The image of a literary character as the central element of the structure and content of a literary text. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti* = Theoretical and Applied Aspects of the Study of Speech Activity, 2015, vol. 10, no. 3, pp. 103–108. (In Russian).

Vasil'eva A.A. Linguistic personality and speech portrait of a literary character (based on the novel *The Geographer Drank His Globe Away* by A. V. Ivanov). Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2021. (In Russian).

Vermishev G.A. The archetypical mythological content in the structure of computer games. *Aktualniye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* = The Topical Issues of the Humanities and Natural Sciences, 2011, no. 11. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskoe-mifologicheskoe-soderzhanie-v-strukture-kompyuternyh-igr> (In Russian).

Vinogradov V.V. On Fictional Prose, Moscow–Leningrad, 1930, 186 pp. (In Russian).

Galkina M.A. On the genre specificity of fantasy. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka* = Theatre. Painting. Cinema. Music, 2021, no. 1. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zhanrovom-svoeobrazii-fentezi> (In Russian).

Gaponova Zh.K., Nikkareva Ye.V. The representation of the images of grandmother and grandfather in contemporary children's literature. *Philologicheskiy Class* = Philological Class, 2022, no. 4. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-obrazov-babushki-i-dedushki-v-sovremennoy-detskoj-literature> (In Russian).

Danilova E.A. Typological Study of Characters (based on Russian literature of the 18th–19th centuries). Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2015. (In Russian).

Dubrovskaya E.M. Typology of linguocultural types: an attempt at systematization. *MNKO* = International Research Journal, 2016, no. 2 (57). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-lingvokulturnyh-tipazhey-opty-sistematisatsii> (In Russian).

Zadoronova V.Ya. Stylistics of the English Language, Moscow, 2024. 108 pp. (In Russian).

Karasik V.I., Dmitrieva O.A. Linguocultural type: towards the definition of the concept. In: *Aksiologicheskaya lingvistika: Sbornik nauchnykh trudov* = Axiological Linguistics: Collection of Scientific Papers, ed. by V.I. Karasik, Volgograd, 2005, pp. 12–25. (In Russian).

Karasik V.I., Yarmakhova E.A. The Linguocultural Type “English Eccentric”, Moscow, 2006, 238 pp. (In Russian).

Karasik V.I. Linguistic keys, Moscow, 2009, 405 pp. (In Russian).

Karaulov Yu.N. The Russian language and the linguistic personality, Moscow, 1987, 261 pp. (In Russian).

Kolokol'tseva T.N. The speech portrait of a character: syntactic aspect. *Izvestiya VGPU* = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 2015, no. 2 (97). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-portret-personazha-sintaksicheskiy-aspekt> (In Russian).

Lipgart A.A. Fundamentals of linguopoetics, Moscow, 2007, 168 pp. (In Russian).

Lutovinova O.V. The concept of “linguocultural type” among related terms used for studying linguistic personality. *Uchyonyye zapiski ZabGU* = Scholarly Notes of Transbaikal State University, 2009, no. 3. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-ryadu-smezhnyh-ponyatiy-ispolzuemyh-dlya-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti> (In Russian).

Maslova V.A. Linguoculturology: a textbook for university students, Moscow, 2001, 204 pp. (In Russian).

Nikandrova I.A. Linguistic personality of a character: a linguistic aspect of research. *Vestnik VyatGU* = Bulletin of Vyatka State University, 2010, no. 2–2. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-personazha-lingvisticheskiy-aspekt-issledovaniya> (In Russian).

Poymenova A.S. Realization of the linguopsychological type “trickster” in the cycle of works by P.G. Wodehouse. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya* = Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics, 2025, no. 1. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-lingvopsihologicheskogo-tipa-plut-v-tsikle-proizvedeniy-p-g-vudhausa> (In Russian).

Propp V.Ya. Morphology of the folktale, Moscow, 1969, 168 pp. (In Russian).

Reznik V.A. Linguocultural type in the system of related concepts. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* = Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2013, vol. 15, no. 2 (2), pp. 481–484. (In Russian).

Savitskaya T.E. Culture of the electronic era. Yekaterinburg, 2018. (In Russian).

Timofeev L.I. Fundamentals of the theory of literature, Moscow, 1976, 464 pp. (In Russian).

Khalizev V.E. Theory of literature, Moscow, 2002, 437 pp. (In Russian).

Chekulay I.V., Kuchmistry V.A., Shustov D.V., Prokhorov N.A. The linguocultural type “trickster” as part of the study of the linguistic personality phenomenon. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya* = Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics, 2023, no. 3. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-trikster-kak-chast-issledovaniya-fenomena-yazykovoy-lichnosti> (In Russian).

Chekulay I.V., Prokhorova O.N. “Trickster” as a linguopsychological type and its representation through linguistic means in fictional space. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya* = Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics, 2011, no. 6 (101). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/trikster-kak-lingvopsihologicheskiy-tip-i-ego-reprezentatsiya-yazykovymi-sredstvami-v-hudozhestvennom-prostranstve> (In Russian).

Chernets L.V. On the typological study of literary characters. *Stephanos*, 2016, no. 1 (15). Retrieved from: https://stephanos.ru/izd/2016/2016_15_10.pdf (In Russian).

Jung C.G. Archetypes and the Collective Unconscious. Moscow, 2019, 496 pp. (In Russian).

List of Sources

Lewis C.S. The Chronicles of Narnia. HarperCollins E-books, 2001.

Rowling J.K. Harry Potter: The Complete Collection. Pottermore, 2015.

Tolkien J.R.R. The Fellowship of the Ring. HarperCollins E-books, 2009.